

УДК 81'42

ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКЦИОНИЗМА (конструирование межнациональных отношений)

Т. В. Дубровская^{1, @, *}

¹ Пензенский государственный университет
@ gynergy74@gmail.com

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-34-14001 «Политический, юридический и масс-медийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации»

Аннотация: В статье представлены некоторые результаты исследования, основной целью которого является выявление механизмов дискурсивного конструирования межнациональных отношений в разных типах дискурса. В качестве объекта изучения выбран юридический дискурс, который рассматривается в контексте социально-конструкционистской парадигмы. Автор обобщает опыт изучения права как дискурсивной практики и выделяет такие методологические предпосылки, как необходимость интерпретации юридического дискурса с учетом социального и ценностного контекста, включенность в юридический дискурс субъектов права, его значимая роль в конструировании властных отношений. Автор проводит анализ «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации», применяя категории социального актора, имплицатуры, конкретизации, неопределённости, традиционные для критического дискурс-анализа. Анализ показывает, что рассматриваемый документ категоризирует участников межнациональных отношений и конструирует несколько пар взаимодействующих между собой сторон. Как ключевой актор репрезентируется государство. Кроме того, в документе используются разнонаправленные дискурсивные механизмы конкретизации и неопределённости, позволяющие проблематизировать отдельные аспекты межнациональных отношений. Абстрактные категории, имеющие ценностное значение, и имплицатура также конструируют межнациональные отношения.

Ключевые слова: юридический дискурс, право, социальный конструкционизм, межнациональные отношения, репрезентации, акторы.

Для цитирования: Дубровская Т. В. Юридический дискурс как предмет социального конструкционизма (конструирование межнациональных отношений) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 117 – 123.

1. Введение

Настоящая статья представляет собой часть более объемного проекта, направленного на выявление механизмов дискурсивного конструирования межнациональных отношений в политическом, юридическом и масс-медийном типах дискурса. Анализ некоторых дискурсивных политических и масс-медийных практик изложен в ряде публикаций [2; 3; 8 и др.]. Отмеченные публикации представляют также теоретические предпосылки исследования. В его основе лежит теория социального конструкционизма, в которой дискурс рассматривается не как отражение реальности, а как конструирующий социальную действительность феномен. «Дискурсы не только представляют мир, как он есть (или, скорее, как он видится); они также ориентированы на будущее, выдуманы и репрезентируют миры, которые отличаются от действительности. Также дискурсы являются частью планов поменять мир в определённом направлении» [11, с. 124] (*Перевод с английского здесь и далее мой – Т. Д.*).

Теория конструкционизма и основанный на ней метод критического дискурс-анализа (КДА) не являются абсолютно новыми способами изучения институциональных сфер. КДА занял прочное место в исследованиях политической коммуникации, а также сферы масс-медиа. Однако юридический дискурс фактически остаётся за рамками конструкционистской

парадигмы. Существующие в отечественной и зарубежной лингвистике направления и методы исследования юридического дискурса подробно освещены нами ранее [1]. В качестве доминирующих направлений отметим герменевтику и юридическую технику, актуальность которых связана с практическим применением языка в правовой сфере, в частности с потребностью общества в создании однозначных правовых актов. Другим интенсивно развивающимся направлением изучения языка правовой сферы является коммуникативное. Оно обращено к устному взаимодействию участников юридического дискурса и изучает не только текст, но и прагматическую ситуацию функционирования текстов. Наиболее близким к конструкционизму можно считать социолингвистический подход. Однако и в этом случае речь в большей степени идёт о построении властных отношений между участниками коммуникации и о конструировании в речи социальной идентичности говорящих, чем о конструировании некоторого положения вещей, представляющего важность с социальной точки зрения.

Полагаем, что юридический дискурс, результаты которого проецируются на все другие типы дискурса и определяют характер функционирования всех социальных сфер, должен быть объектом изучения в терминах конструкционизма. **Целью** данной работы мы видим обобщение опыта обращения к праву (в широ-

ком понимании) как к дискурсивной практике, а также представление того, как конструирующая функция юридического дискурса реализуется в документах, регулирующих межнациональные отношения Российской Федерации. Такой подход к феномену межнациональных отношений возможен и целесообразен в силу того, что межнациональные отношения являются предметом дискурсивных практик и только через них могут быть поняты: «Межнациональные отношения – специфичный предмет дискурса: он абстрактен, идеологически нагружен и обладает значительным количеством культурных, политических и юридических коннотаций» [2, с. 112]. Теоретическое осмысление юридического дискурса с позиций конструкционизма мы дополним практическим анализом и выявим дискурсивные механизмы конструирования межнациональных отношений на **материале** «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [7]. Статья включает введение и 2 основных раздела, завершается выводами (раздел 4) и списком литературы.

2. Право как дискурсивная практика: методологическая основа

Положение о том, что право представляет собой дискурсивную практику, лежит в основе социально-конструкционистского подхода к праву и эксплицитно высказывается в работах зарубежных исследователей. Дискурсивность, которая является, по мнению М. Галдиа, главной характеристикой права, предполагает не только неизбежность обращения к языку как главному его инструменту, но и необходимость привлечения социального контекста для извлечения смыслов и интерпретации правовых текстов [12, с. 24]. В такой исследовательской парадигме язык рассматривается не как таковой, а в контексте происходящих дискурсивных процессов. Несмотря на то, что значение юридического документа или устного высказывания заложено в его семантических и синтаксических структурах, право получает дополнительные смысловые пласты в ходе социального взаимодействия. Противопоставляя своё понимание права пуристическим и эссенциалистским концепциям, М. Галдиа выступает в пользу интерпретативного подхода и утверждает, что «право без интерпретации превратилось бы в гору мёртвых артефактов. Оно потеряло бы смысл» [12, с. 124].

Интерпретация права как процесс поиска смысла с целью его практического применения предполагает понимание аксиологической нагруженности юридического дискурса. По замечанию Е. А. Кожемякина, «ценностная функция институционального дискурса выражается в том, что с его помощью люди дают оценку положению вещей, формируют определенное отношение к ним. В аспекте ценностной функции дискурс выступает как механизм регулирования «модуса» общественного сознания <...>» [4, с. 128]. Более того, не только юридический дискурс «транспортирует ценности, имеющие важность для его пользователей» [12, с. 110], но и правила его интерпретации подвержены ценностному воздействию общепринятых

дискурсивных практик, которые определяют характер интерпретации.

В социально-конструкционистской парадигме право признаётся двунаправленным процессом, а недостаточная определённости права (*underdeterminacy of law*) – источником социальных изменений [13, с. 177]. В качестве одного из положений умеренного социального конструкционизма Э. Мертц приводит тезис о том, что в юридический дискурс вовлечены две стороны, а не только законодатели, что означает способность субъектов права отвечать на юридические нововведения. Эта способность определяет непредсказуемый характер правовых процессов. Подобным образом М. Галдиа расширяет границы юридического дискурса: в его понимании правовой дискурс охватывает как институциональный, так и неинституциональный контекст. Обязующая сила права имеет свой предел, и «для функционирования в обществе закон должен признаваться» [12, с. 34]. Идею о роли не-профессионалов как интерпретаторов юридического дискурса высказывает Р. Коттеррелл: «Сообщества, интерпретирующие право, не ограничиваются профессиональными сообществами <...> Граждане-не-юристы также являются потенциальными толкователями права» [10, с. 100]. Таким образом, в конструкционистском понимании велика роль интерпретации юридического дискурса не только представителями профессиональной среды, но и непрофессионалами.

Наконец, сторонники социального конструкционизма отмечают роль юридического дискурса в конструировании и поддержании властных отношений в обществе. Механизмы конструирования властных отношений в политическом дискурсе широко обсуждаются в работах, написанных в русле критического дискурс-анализа. Однако юридический дискурс такому анализу подвергался в очень ограниченных рамках. Ценные замечания теоретического характера, касающиеся правового закрепления общественных отношений, делает Е. А. Кожемякин. Учёный перечисляет несколько предлагаемых в юридической теории решений этого вопроса, одно из которых звучит так: «<...> Право выполняет функцию поддержки существующего политического порядка и приводит общественное устройство в соответствие с определёнными политическими ценностями и идеалами» [4, с. 213]. Несмотря на существование других способов закрепления общественного порядка, именно взаимосвязь между правом и распределением власти в обществе в рамках определенного политического устройства представляется конструкционистам определяющей. Обращаясь к понятию категоризации, одному из ключевых в конструкционистской парадигме, Э. Мертц замечает, что юридическое закрепление социальной категоризации придаёт ей иной характер: оно «делает более статичными гибкие социальные процессы, в которых категории формируются и расформируются, или оно может наделять разным объемом власти определённые сегменты общества» [13, с. 179]. Подобным образом, Р. Кумбе указывает на конструирующий характер права, которое «не просто

обеспечивает инструменты и дискурсивные механизмы, посредством которых социальные группы могут пытаться легитимировать свои различия <...>, но также право генерирует знаки и символы <...>, посредством которых различие конструируется и приобретает значение» [9, с. 37].

Важно и то, что правовая культура, которая «развивается и выживает в структурах власти», не допускает плюрализма. Доминантные дискурсы сохраняются и передаются, тогда как дискурсы, представляющие альтернативу, забываются, уничтожаются или сохраняются в ограниченном количестве [12, с. 162].

Отмеченные выше характеристики конструктивистского подхода к праву и юридическому дискурсу можно кратко суммировать следующим образом. Право представляет собой дискурсивную практику, и смысл юридических текстов не вытекает напрямую из языковых форм, а генерируется в процессе правовой коммуникации и интерпретации, которая вовлекает как профессиональных, так и непрофессиональных участников. Правовая коммуникация не является односторонним процессом, поскольку непрофессионалы участвуют в процессе интерпретации права и создают среду для принятия или непринятия правовых нововведений. Закрепляя определенный общественный порядок в форме правовых категорий, юридический дискурс напрямую связан с распределением власти в обществе.

3. Репрезентация межнациональных отношений в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»

Конструирующая функция юридического дискурса, обозначаемая некоторыми исследователями как регулятивная [6], состоит в том, что «коммуниканты создают образ желательного или необходимого в будущем, проектируют будущее положение вещей и формируют нормы его построения» [4, с. 129]. Формирование норм построения межнациональных отношений и образует смысл такого документа, как «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (далее – Стратегия ГНП). Прежде чем перейти непосредственно к анализу дискурсивных механизмов этого документа, сделаем некоторые замечания относительно юридического статуса обсуждаемого документа.

Стратегия ГНП является одной из нескольких десятков принятых в 2000-е гг. государственных стратегий. Список документов этого ряда приводит М. А. Мушинский [5]. В своей работе М. А. Мушинский отмечает, что эти документы «имеют не «чисто» юридическое, но политико-правовое содержание и являются средством выражения (формулирования) правовой политики» и «самым существенным образом влияют на формирование практически всех остальных элементов правовой системы России» [5, с. 488]. Признавая политическую направленность государственных стратегий, исследователь определяет документы как имеющие политико-правовой характер, поскольку в них «политические тезисы сопровождаются изложением элементов правовой политики»,

а также «в большинстве случаев юридическая форма им придаётся посредством введения в действие (утверждения) правовым актом органа государственной власти» [5, с. 488]. Так, Стратегия ГНП была введена в действие Указом Президента РФ В. Путиным. Таким образом, в силу комбинирования в документе политических установок и указаний на правовые аспекты их реализации Стратегия ГНП представляется нам не только заслуживающей внимания, но и обязательной для рассмотрения в аспекте дискурсивного конструирования межнациональных отношений РФ.

Чтобы выделить дискурсивные механизмы конструирования межнациональных отношений, мы используем категорию социального актора [14] и выявим, прежде всего, какие **акторы межнациональных отношений** фигурируют в Стратегии ГНП. Анализ документа показывает, что социальные акторы разнородны и выделены как с правовой точки зрения, так и в терминах обыденности (*общество, человек, народ*):

Стратегия разработана в целях обеспечения интересов государства, общества, человека и гражданина, укрепления государственного единства и целостности России, сохранения этнокультурной самобытности ее народов, сочетания общегосударственных интересов и интересов народов России, обеспечения конституционных прав и свобод граждан. Стратегия основывается на принципах построения демократического федеративного государства, служит основой для координации деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов и органов местного самоуправления (далее также — государственные и муниципальные органы), их взаимодействия с институтами гражданского общества при реализации государственной национальной политики Российской Федерации. Стратегия направлена на активизацию всестороннего сотрудничества народов Российской Федерации, развития их национальных языков и культур (п. 2 Стратегии ГНП 2012).

Все отмеченные в приведенном фрагменте акторы являются коллективными образованиями, за исключением обобщающей категории «человека и гражданина». Категория «народ» репрезентирована в тексте тремя лексическими формами: *народы, народы России, народы Российской Федерации*, имеющими, вероятно, одного и того же референта. Однако далее, в положении 8, категория «народ» получает уточняющие толкования:

Стратегия носит комплексный межотраслевой социально ориентированный характер, призвана развивать потенциал многонационального народа Российской Федерации (российской нации) и всех составляющих его народов (этнических общностей) (п. 8 Стратегии ГНП 2012).

Видим, что выделяется более общая категория – многонациональный народ РФ, обозначаемый иначе как российская нация, а также этнические общности как его составляющие. Таким образом, в качестве участников межнациональных отношений выступают

не только отдельные народы и их представители, но и нация, а кроме того – государство и его институты.

В основном акторы имеют обобщающие номинации, поскольку документ призван регулировать отношения на всей территории РФ без исключения. Однако некоторые акторы конкретизируются, и такая **конкретизация** на общем фоне представляется **дискурсивным способом проблематизации** ряда аспектов межнациональных отношений. В частности, как специфические акторы межнациональных отношений отмечены коренные малочисленные народы и национальные меньшинства, а также отдельно обозначена область Северного Кавказа, вызывающая не только географические, но и этнокультурные и политические ассоциации. В качестве основных вопросов государственной национальной политики ставятся: «*обеспечение прав коренных малочисленных народов и национальных меньшинств*» и «*создание дополнительных социально-экономических и политических условий для обеспечения прочного национального и межнационального мира и согласия на Северном Кавказе*» (п. 5 Стратегии ГНП 2012).

(Прим. автора: Для сравнения отметим, что Конституция РФ проблематизирует положение коренных малочисленных народов (статья 69), однако упоминаний в каком-либо контексте народов Северного Кавказа в основном законе РФ нет).

Интересно, что с точки зрения языковой формы дискурсивная проблематизация в данном случае конструируется не указаниями на нежелательные явления, а напротив, постулированием необходимости достижения положительных результатов (*обеспечение прав, прочный мир и согласие*). Такая констатация основана на имплицитном утверждении о неблагоприятном положении дел (права не обеспечены, мир непрочен, согласия нет). Существование проблемной области, таким образом, заложено в **имплицатуре** положений Стратегии ГНП: необходимо принять меры, чтобы исправить неблагоприятное положений дел.

Кроме проблематизации одних акторов, Стратегия ГНП содержит такие репрезентации, которые утверждают актора в **положительной роли** в построении межнациональных отношений и государственности РФ. Такова репрезентация русского народа:

Российское государство создавалось как единение народов, системообразующим ядром которого исторически выступал русский народ. Благодаря объединяющей роли русского народа, многовековому межкультурному и межэтническому взаимодействию, на исторической территории Российского государства сформировались уникальное культурное многообразие и духовная общность различных народов. Современное Российское государство объединяет основанный на сохранении и развитии русской культуры и языка, историко-культурного наследия всех народов России единый культурный (цивилизационный) код, который характеризуется особым стремлением к правде и справедливости, уважением самобытных традиций населяющих Россию народов и способностью интег-

рировать их лучшие достижения в единую российскую культуру (п. 11 Стратегии ГНП 2012).

Приведенный фрагмент насыщен лексическими единицами разных частей речи со значением объединения (*единение, объединяющей, взаимодействию, общность, объединяет, единый, интегрировать, единую*), совокупность которых конструирует особую, исключительную, роль русского народа и русской культуры в межнациональных отношениях, несмотря на то, что выраженных эксплицитно указаний на это в тексте нет.

Направленность, противоположную конкретизации, имеет другой дискурсивный механизм, который можно обозначить как **неопределённость**. Суть его состоит в том, что некоторое положение Стратегии ГНП касается не всех, а отдельных акторов, но каких конкретно – не указано:

На развитие национальных, межнациональных (межэтнических) отношений также влияют следующие негативные факторы:

<...>

е) распространённость негативных стереотипов в отношении некоторых народов (п. 15 Стратегии ГНП 2012).

Комбинация разнонаправленных приёмов конкретизации и неопределённости социальных акторов позволяет моделировать такую картину межнациональных отношений, которая бы совместила в себе нормирующий эффект при одновременном указании на фактическую ситуацию без излишнего заострения проблем.

Отмеченные выше акторы межнациональных отношений вступают друг с другом в отношения, конфигурация и характер которых конструируются документом. В результате наблюдения мы выделили несколько **типичных пар взаимодействующих акторов**:

1) **народ – народ**: *всестороннего сотрудничества народов Российской Федерации; укрепление их (народов) духовной общности; национального согласия и духовной общности населяющих её народов; взаимное уважение традиций и обычаев народов Российской Федерации; солидарности и взаимопомощи народов России и т. д.;*

2) **народ – нация**: *сохранение и развитие традиций проживающих на ее территории народов являются общим достоянием российской нации;*

3) **государство – граждане**: *принятие мер по недопущению проявлений дискриминации в отношении граждан различной национальной принадлежности при осуществлении государственными и муниципальными органами и организациями своей деятельности; создание государственной и муниципальной систем мониторинга состояния межэтнических отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций; мониторинг состояния межнациональных отношений в воинских коллективах и районах дислокации воинских частей и т. д.;*

4) **государство – зарубежные соотечественники**: *поддержка соотечественников, проживающих за рубежом, содействие развитию их связей с Россией;*

содействие добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом; содействие консолидации деятельности объединений соотечественников, проживающих за рубежом, по обеспечению своих прав в странах проживания, сохранению связей с исторической Родиной и т. д.;

5) **государство – мигранты**: противодействие формированию замкнутых анклавов мигрантов по этническому признаку; обеспечение взаимодействия государственных и муниципальных органов с общественными объединениями, способствующими социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов и т. д.;

6) **граждане – граждане**: равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, происхождения <...>; содействием диалогу между представителями различных этнических общностей и т. д.

Категоризация, осуществляемая в документе, не имеет исключительно текстовый характер, поскольку из содержания документа вытекает проецирование предлагаемой в Стратегии ГНП категоризации на другие общественные практики (часть IV «Механизмы реализации государственной национальной политики Российской Федерации»). Иными словами, категории Стратегии ГНП становятся реальностью в результате её практического применения.

Дискурсивное конструирование взаимодействия между достаточно многочисленными и гетерогенными акторами межнациональных отношений осуществляется посредством множества **абстрактных категорий** (например, равенство, свобода, интеграция, консолидация, дискриминация, ненависть и др.). По замечанию Е. А. Кожемякина, «с помощью «абстрактных» объектов субъект юридического дискурса может обобщать и отождествлять объекты первых двух типов (*материальные и поведенческие* – Т. Д.), идеализировать их, фиксировать их существенные свойства, а также определять их потенциальную осуществимость» [4, с. 218]. Мы полагаем, что абстрактные категории могут характеризовать не только материальные и поведенческие объекты, но и другие абстрактные объекты, каковыми являются в нашем случае межнациональные отношения. К примеру, абстрактная ценностная категория *равноправие* имплицитно существование по меньшей мере двух сторон, отношения между которыми и становятся предметом означивания. Подобным образом категории уважения, гармонизации, вражды и т. д. предполагают двустороннее взаимодействие, для номинации которого используются соответствующие лексические единицы.

Выводы

К юридическому дискурсу, как и к другим типам институционального дискурса, может применяться социально-конструкционистский подход, для которого характерен ряд методологических принципов. Одним из них является невыводимость смысла юридического текста из его языковых структур и необходимость осуществления интерпретации в социальном и ценностном контексте. Кроме того, конст-

рукционистский подход позволяет расширить понятие юридического дискурса, включив в круг рассмотрения не только «ядерные» образцы собственно юридического дискурса, но и тексты, находящиеся на «периферии», на стыке с другими институциональными сферами, к примеру, со сферой политики. Юридический дискурс, будучи властным дискурсом, задействует специфические дискурсивные механизмы конструирования отношений между различными социальными группами. Эти дискурсивные механизмы могут быть подвергнуты анализу с помощью категорий, традиционно применяемых в критическом дискурс-анализе, в основе которого лежит теория социального конструкционизма.

Анализ «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» как документа с политико-правовым содержанием позволил выявить в нём ряд дискурсивных механизмов, конструирующих межнациональные отношения. Стратегия ГНП категоризирует акторов межнациональных отношений, в числе которых не только отдельные народы РФ и их представители, но и нация в целом, а кроме того – граждане, государство и его институты. Категории мигрантов и зарубежных соотечественников также интегрированы в межнациональные отношения РФ. Конструируемые пары сторон включают всех выделенных акторов, однако в трёх парах из шести в качестве одной из сторон выступает государство, что позволяет сделать предварительный вывод о репрезентации государства как ключевого актора межнациональных отношений. Категоризация акторов, предлагаемая в Стратегии ГНП, становится социальной действительностью в результате практического применения механизмов по её реализации.

Помимо категоризации акторов и объединения их во взаимодействующие пары, в Стратегии ГНП используются разнонаправленные дискурсивные механизмы конкретизации и неопределённости, позволяющие проблематизировать отдельные аспекты межнациональных отношений. Особое место в конструировании межнациональных отношений занимают абстрактные категории, имеющие ценностное значение и имплицитно участвующие в процессе двух сторон.

Перспективы исследования нам видятся в изучении собственно законодательных текстов в аспекте конструирования в них межнациональных отношений, а также в выявлении специфики такого конструирования в юридическом дискурсе по сравнению с другими типами институционального дискурса.

Литература

1. Дубровская Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). М.: Академия МНЭПУ, 2010. 351с.
2. Дубровская Т. В., Кожемякин Е. А. Конструирование межнациональных отношений в СМИ: специфика репрезентаций // Научные Ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология. 2015. № 18(215). Вып. 27. С. 111 – 125.
3. Замотина Е. И., Дубровская Т. В. Ретрансляция юридического дискурса в текстах СМИ о миграции // Казанский педагогический журнал. 2015. № 6(113). Ч. 2. С. 449 – 455.
4. Кожемякин Е. А. Дискурсивный подход к изучению институциональной культуры. Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. 244 с.
5. Мушинский М. А. Стратегии, концепции, доктрины в правовой системе Российской Федерации: проблемы статуса, юридической техники и соотношения друг с другом // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 488 – 499.
6. Палашевская И. В. Функции юридического дискурса и действия его участников // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 5(2). С. 535 – 540.
7. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. N 1666). Режим доступа: <http://base.garant.ru/70284810/>
8. Ярославцева Я. А., Дубровская Т. В. Конструирование межнациональных отношений в жанрах внешне-политического дискурса (на примере России и США) // Политическая лингвистика. 2015. № 3(53). С. 182 – 191.
9. Coombe R. Contingent articulations: a critical cultural studies of law // Sarat A. and Kearns T. (eds.) Law and the Domains of Culture. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998. P. 21 – 64.
10. Cotterrell R. Law, Culture and Society: Legal Ideas in the Mirror of Social Theory. Aldershot: Ashgate, 2006. 206 p.
11. Fairclough N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. London, N. Y.: Routledge, 2004. 270 p.
12. Galdia M. Legal Discourses, Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014. 449 p.
13. Mertz E. A new social constructionism for socio-legal studies // Larson E. and Schmidt P. (eds.) The Law & Society Reader II. NY and London: New York University Press, 2014. P. 176 – 181.
14. Van Leeuwen T. The Representation of Social Actors // Caldas-Coulthard C.R. and Coulthard M. (Eds.) Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis. London: Routledge, 2003. P. 32 – 70.

Информация об авторе:

Дубровская Татьяна Викторовна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка Пензенского государственного университета, gynergy74@gmail.com.

Статья поступила в редколлегию 01.02.2016 г., принята к печати 06.06.2016 г.

LEGAL DISCOURSE IN THE SOCIAL CONSTRUCTIONIST PARADIGM

(construction of interethnic relations)

Dubrovskaya Tatiana V.^{1, @, *}

¹ Penza State University

@ gynergy74@gmail.com

* *The work was supported by the RFH Grant No. 15-34-14001 "Political, legal and mass media discourse in the aspect of constructing international relations in the Russian Federation"*

Abstract: The paper presents some results of the research that is aimed at revealing the mechanisms of discursive construction of international and interethnic relations in different types of discourse. The object of study in this fragment is the legal discourse, which is viewed within the paradigm of social constructionism. The author consolidates studies of law as discursive practice and outlines an appropriate methodological perspective, which presupposes the interpretation of legal discourse in social and axiological context, participation of society in legal-discursive practices, and the essential role of legal discourse in power relations. To perform the analysis of the ‘Strategy of State national policy of the Russian Federation’, the author applies the categories of social actor, implicature, specifying and vagueness, which are typically exploited in Critical Discourse Analysis. The results demonstrate that the document in question categorises the participants in interethnic relations and constructs a few pairs of interacting parties. The state is represented as a key actor in interethnic relations. The document also operates the discursively opposite mechanisms of specifying and vagueness to problematise certain aspects of the relations. Axiologically laden abstract categories and implicature also construct interethnic relations.

Keywords: legal discourse, law, social constructionism, interethnic relations, representations, actors.

For citation: Dubrovskaya T. V. Legal discourse in the social constructionist paradigm (construction of interethnic relations). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 117 – 123.

References

1. Dubrovskaya T. V. *Sudebnyi diskurs: rechevoe povedenie sud'i (na materiale russkogo i angliiskogo iazykov)* [Judicial discourse: verbal conduct of a judge (in Russian and English languages)]. Moscow: Izd-vo «Akademii MNEPU», 2010, 351.
2. Dubrovskaya T. V., Kozhemiakin E. A. Konstruirovaniye mezhnatsional'nykh otnoshenii v SMI: spetsifika reprezentatsii [Construction of inter-ethnic relations in the media: the specificity of representations]. *Nauchnye Vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Filologiya. Zhurnalistika. Pedagogika. Psikhologiya – Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Humanitarian sciences. Philology. Journalism. Pedagogy. Psychology*, no. 18(215), iss. 27 (2015): 111 – 125.
3. Zamotina E. I., Dubrovskaya T. V. Retranslyatsiya iuridicheskogo diskursa v tekstakh SMI o migratsii [Retransmission of legal discourse in the media texts on migration]. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal – Kazan pedagogical journal*, no. 6(113), part 2 (2015): 449 – 455.
4. Kozhemiakin E. A. *Diskursnyi podkhod k izucheniiu institutsional'noi kul'tury* [Discursive approach to the study of the institutional culture]. Belgorod: Izd-vo BelGU, 2008, 244.
5. Mushinskii M. A. Strategii, kontseptsii, doktriny v pravovoi sisteme Rossiiskoi Federatsii: problemy statusa, iuridicheskoi tekhniki i sootnosheniya drug s drugom [Strategies, concepts, doctrine in the legal system of the Russian Federation: problems of the status of legal technique and the relation with each other]. *Iuridicheskaya tekhnika – Legal Technology*, no. 9 (2015): 488 – 499.
6. Palashevskaya I. V. Funktsii iuridicheskogo diskursa i deystviya ego uchastnikov [The functions of the legal discourse and the actions of its members]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk – Bulletin of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 12, no. 5(2) (2010): 535 – 540.
7. *Strategiya gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda (utv. Ukazom Prezidenta RF ot 19 dekabrya 2012 g. № 1666)* [Strategy of the Russian Federation, the state national policy for the period up to 2025 (approved by the Presidential Decree of December 19, 2012 no. 1666)]. Available at: <http://base.garant.ru/70284810/>
8. Iaroslavtseva Ia. A., Dubrovskaya T. V. Konstruirovaniye mezhnatsional'nykh otnoshenii v zhanrakh vneshnepoliticheskogo diskursa (na primere Rossii i SShA) [Dubrovskaya Construction of inter-ethnic relations in the foreign policy discourse genres (for example, Russia and the US)]. *Politicheskaya lingvistika – Political linguistics*, no. 3(53) (2015): 182 – 191.
9. Coombe R. Contingent articulations: a critical cultural studies of law. *Law and the Domains of Culture. Ann Arbor: University of Michigan Press*. Eds. Sarat A. and Kearns T. 1998, 21 – 64.
10. Cotterrell R. *Law, Culture and Society: Legal Ideas in the Mirror of Social Theory*. Aldershot: Ashgate, 2006, 206.
11. Fairclough N. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London, N. Y.: Routledge, 2004, 270.
12. Galdia M. *Legal Discourses*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014, 449.
13. Mertz E. A new social constructionism for socio-legal studies. *The Law & Society Reader II*. Eds. Larson E. and Schmidt P. NY and London: New York University Press, 2014, 176 – 181.
14. Van Leeuwen T. The Representation of Social Actors. *Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis*. Eds. Caldas-Coulthard C. R. and Coulthard M. London: Routledge, 2003, 32 – 70.

Received 01.02.2016, accepted 06.06.2016.